

Поселок приютился меж двух полосок соснового бора на краю райцентра. Построенный в начале восьмидесятых для работников рыбхоза, тянется он последними домами к свалке, скрытой между пригорком и поймой реки.

В былые времена рыбное хозяйство «гремело» в округе. Но от прежнего здорового пульса жизни не осталось и следа: некогда прибыльное дело во время неразберихи девяностых развалили, растащили «на куски». Людей оставили без дела, землю сдали в аренду фермерам, пруды спустили, технику распродали.

Тихая рутинная затянула поселок. Будоражили однообразную жизнь поселян редкие ныне свадьбы, да похороны...

Первой почувяла недоброе, по старости лет не ходившая дальше своей лавочки, бабка Илясиха.

Приснился ей сон: березка склонила ветки к речке Фунтовке, а с листьев, словно слезы, потекли капельки воды.

Начали соседки гадать — хороший сон или плохой, но Илясиха шепнула:

— Ждите вдову.

Эхом разлетелось бабкино пророчество по поселку, а через неделю увезли на погост Михаила «Дороги»...

1

Прозвище Михаилу дали мужики: во время гулянок он брал в руки гармошку и, прищулив один глаз, склонив голову к мехам, начинал наигрывать и тихо петь:

*— Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги,
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей...*

Песня грустью заполняла сердца людей.

Мария приходила на звук гармошки. Пыталась увести мужа домой. Пальцы Михаила быстрее начинали бегать по кнопочкам, и он проникновенно затягивал:

— Ох ты, Маша, ох, Петровна —
Васильковые глаза,
Далека к тебе дорога,
Жаль нешком прийти нельзя...

Мария, уперев руки в бока, на это отвечала:

— Что, коня тебе привезть? Щас, разбежалась. Подымайся!.. Пошли!

Михаил нехотя вставал, долго прощался. А после, следуя за женой, снова начал насвистывать любимую мелодию, иногда выкрикивая: «Эх, дороги!..»

После сокращения с рыбхоза, Михаил, отказавшись от предложения устроиться в райпо на ЗИЛ-130, купил гнедую кобылу и весной пошел пасти коров.

Осенью или в зимние месяцы на Михаила накатывало уверенное внутреннее побуждение устроить на душе праздник. Выпьет и с улыбочкой, грудь нараспашку, пойдет по поселку. Без приглашения забредет в чужой двор, присядет на крыльцо, закурит сигарету, заведет беседу...

Кто-то относился к его визитам снисходительно, иногда угощая Михаила стопкой самогонки, а соседка — Татьяна Дымова, боясь загула мужа, прогоняла гостя веником, приговаривая:

— Мишка, паразит! Чего приперся!? Иди лучше делом займись!

Но если Татьяна для проформы читала нотации, то с новыми соседями Михаил вздорил основательно. Прежние соседи уехали на север. Их половина дома долго пустовала, пока ее не купили пенсионеры из города: глухая бабка Валя и важный дед Анатолий. Будешь тут важным — сын «крутой», на большом джипе к родителям приезжает.

Городские сразу начали наводить свои порядки. Заправлял дед Анатолий. Сделал Михаилу замечание:

— Кто тут строил? Руки ему оторвать!

Михаилу обидно стало, он тоже принимал участие в строительстве. На кране брус подавал.

Вдобавок дед Анатолий помои начал лить на бревенчатую стену стайки, в которой Михаил держал лошадь.

В отместку Михаил посадил у забора хмель. Хмель в лето разросся и перемахнул через двухметровую жердь на сторону соседей.

Дед разозлился. Ругаясь, отправил супругу обстричь вьющееся растение. Михаил, заметив соседку, выдрал за баней куст крапивы, подкрался к забору и хлестанул бабку по рукам.

Жил Михаил бескорыстно. Не стремясь к накопительству, с детства познав нужду, отдавал последнее первому встречному.

Часы командирские — память об отце-фронтовике — подарил парню, что остановился помочь ему в морозный зимний вечер поменять проколотое заднее колесо на груженом ГАЗ-52. Отблагодарил за помощь, сказав:

— Держи, держи, я знаю, они достались хорошему человеку!

В обновке Михаил чувствовал себя неловко, и с нетерпением ждал момента облачиться в привычную робу. А новой одеждой мог распорядиться по воле сердца.

Многие Михаила осуждали, говоря, что в нынешнее время надо «бежать за рублем», а кто-то завидовал широте его души, умению легко отдавать, не оглядываясь назад, не задумываясь о завтрашнем дне.

Так бы и жил Михаил некрещеный, со «своей философией», в неугомной жизни, пока вдруг не начал по ночам задыхаться.

По настоянию жены пришлось ездить по больницам. Реже стала звучать «Эх, до-

роги!», а «Татарская» в его исполнении слышалась с грустинкой, да и по-другому мелодия не могла звучать, если всю живность свел со двора. Сил управляться уже не хватало. Продал и лошадь с жеребенком. Когда приехали покупатели, долго гладил гнедую по белой звездочке на лбу, стараясь не смотреть в ее полные слез глаза. Она выручала — в пьяном бреду сколько раз заснет Михаил в саях, а лошадь, понунив морду, привозила его домой, не дав замерзнуть на морозе. Один год, когда сломалась машина, пришлось на кобыле возить солому с полей, тем самым прокормив коров в зиму. Сведя гнедую со двора, с неделю заливал печаль зеленым змием. Видно, тяжело приходилось, раз решился продать друга.

Долго его не видели. Бабка Илясиha, знающая последние новости на поселке, говорила, вроде, в больнице лежит.

Появился Михаил на Успение.

Веселый, браваый, полдня бегал по поселку, со многими поговорил, а когда сосед Иван Дымов пришел с работы, собрался к нему, но, не дойдя до калитки, упал на землю...

Проводить Михаила в последний путь пришло немало народа — и кто с ним работал, и кто жил рядом, и кто любил, и те, кто судил. Пришла и новая соседка бабка Валя, обрывавшая хмель, принесла тысячу, вложила в руки Марии, оправдываясь: «Я же и не знала, что он у тебя так болел...»

Илясиha, приведенная под руки, долго побряхтывала, наконец, потрогала покойного за ноги, чтобы не снился, и сказала: «Мишка добрый был».

По обычаю гроб пронесли по улице, загрузили в пассажирскую «Газель» и увезли на кладбище.

Поминальный обед отвели в столовой. Сейчас многие этим пользуются — удобно, меньше хлопот, только давай по триста рублей за человека. В городах зачастую и домой покойного уже не везут, а прощаются в специальных залах — от новых веяний незаметно угасает искорка того таинства, значимости и основательности, веками копившихся в традициях погребения и поминания.

В сохранении душевности село, деревня — держат последний рубеж, но и здесь засматриваются на город. А пока, и может к лучшему, найдется, кто шепнет на ушко: «Родственникам гроб нельзя нести», или «Стойте, вынесут из дома, после пойдете». И найдется не боящаяся суеверий женщина, которая помоеет пол после выноса.

С кладбища родные и близкие приехали к Марии домой. Долго сидели за столом в дальнем углу ограды, поминая Михаила. Забегал помянуть сосед Толик Куприянов, не ездивший в столовую, заглянул перехватить стопочку Ростик, пасший в одно время с Михаилом коров.

Поселок прощался с человеком.

На следующий день дети разъехались. На прощанье дочка обещала приехать на полгода отцу. Мария понимала — с Севера далеко добираться.

На сороковинах к Марии подошла соседка Татьяна.

Накануне видела она во сне покойного Мишу и Андрюху Валенка, сгоревшего полгода назад от спирта.

— Вижу я, Маша, Мишка твой на гармошке играет, а Андрюха Валенок рядом вытанцовывает. Валенок машет мне рукой и говорит: «Танюха, иди с нами потанцуй!» А я, не поверишь, оцепенела — ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Потом отпустило, я им говорю: «Ладно, ребятки, вы тут посидите, а я пойду, а то корова не доена!», и проснулась.

— А я его, Тань, вообще не вижу. Приснился бы, улыбнулся или пошутит... Изнывает душа! Покоя не могу найти.

Разбередив душу, Татьяна ушла домой, а Марии на полночи слез не утереть.

Поутру, решив развеяться, пришла Мария к бабкам на лавку. Принесла блинов.

— Садись, сердешная! — встретила ее Илясиха.— Ну, рассказывай про твое житье-бытье, гостей проводила?

— Вчера уехали! Одна, баб Ань, осталась — реву белугой. Глаз сомкнуть не могу. Тяжко.

— Маяться прекрати! — дала совет Илясиха.— Хорош его слезами заливать. Держишь ты его, Машка, не отпускаешь. Отвлечься надо. Поезжай к сыну в город, поживи!

— Думаешь? — засомневалась Мария.— Что я им там мешаться буду!

— Не к дядьке чужому поедешь, к сыну родному. Чай не выгонит!

Поразмыслив над словами Илясихи — решила. Позвонила сыну и напросилась. Не предупреждала о приезде, а именно просила разрешения:

— Коленька, в гости к вам приеду? Погощу немножко?

— Мам, мы целыми днями на работе, Ритка в школе, а вечером у нее плавание, будешь сидеть в трех комнатах в телек пялиться! Если горишь желанием, приезжай! А то скажешь — отговариваю!..

После телефонного разговора Мария приступила к приготовлениям. Первым делом пристроила к соседям собаку Тяпку, единственную оставшуюся уличную живность, Татьяне Дымовой наказала поглядывать за домом и кормить иногда кошку.

Слила воду из труб, чтобы не разморозить систему — зиму обещали раннюю. Обвела взглядом покосившийся забор, обнесенный хмелем, баньку в конце огорода с прохудившейся крышей — так и не дошли руки у Михаила до нее. Сыну сколько раз говорила, покрыть профлистом, а то совсем сгниет, но и ему некогда — на работе аврал. Сарайки старые разобрать бы. Попробовала сама, да с дуру только ногу гвоздем проперола. Как ни крути, а мужская рука необходима. Первое время звала помогать Сергея, мужа сестры Нины. Раз кран потек — приезжал менял, потом розетку на кухне заменил, а затем и самой неудобно стало надоедать по пустякам. Знала — не откажут, но Сергею и в своем доме дел хватает. Наняла двух мужичков доски старые перепилить, да они в первый же день бензопилу запортачили,— заводиться перестала.

В ночь перед отъездом не смогла сомкнуть глаз. Одиночество, как лакмусовая бумага, четко проявило желание ощутить себя нужной, востребованной, хотелось посвятить себя детям и внукам.

Ветер то стихал, унося в поля неумную силу, то заново, неистовыми порывами гонял опавшие листья по улице, гулко ударял по старым воротам, терялся в вершинах деревьев, переходя в тихий шепот.

Постукивал по крыше дождь, приберегая свою мощь пашням и пастбищам, раскинувшимся за околицей.

А Мария думала, правильно ли поступает... Надо ли ехать...

Иконка Божьей Матери из переднего угла святым безмолвием подсказывала: смирение — сильное лекарство.

Мария зажгла перед образами свечку, прочитала молитву, и тропарь за усопшего мужа. Но успокоение не пришло...

Кошка, заслышав шорох, оставила нагретое место за печкой.

— Ты чего соскочила! — бросила ей вслед Мария, накинув на плечи пуховую шаль.

Спугнув мелкого мышонка, любимица Симка юркнула в подполье, и оттуда пару раз мяукнула.

Свеча горела, и Марии казалось, сейчас загремит на кухне посудой Михаил, заваривая крепкий чай...

Вздрогнула — действительно брякнуло на кухне. Не сразу дошло — кошка залезла на стол...

Она достала из шкафа кофту, в которой последнее время ходил муж и, уловив родной запах, уткнулась лицом в шерстяную ткань и разрыдалась.

— Сложно мне жить без тебя, Миша! — в отчаянии шептала Мария. — Что ты наделал? Бросил!.. Оставил одну на старости лет!..

2

На сей раз калитка ударила по-другому. Точно не ветер.

Звякнула защелка.

Соседка Татьяна, подоив коров, пришла проводить Марию на первый автобус. Присели на дорожку.

— Колька как поживает? Не успела спросить...

— Потихоньку! Сейчас на заводе при хорошей должности. Сноха Маринка там же трудится, только в бухгалтерии. Она его туда и пристроила!

— Дружно живут?

— Я шибко к ним не лезу! Самостоятельные. Нужды не знают — трехкомнатную квартиру в центре купили. Машину за полмиллиона позволили. Маринка в шубе ходит. И отдыхать раз в год за границу мотаются. Хорошо у сына, хорошо!..

— Ну и слава Богу! А мой Андрюха — голь перекатная, опять на Север собрался! Я ему говорю, устройся в лесхоз и при деле будешь!

В робких сумерках вышли из дому.

— Ты, Петровна, звони! За дом не беспокойся, приглядим. А то и вправду приживешься на новом месте! В городе-то чего не жить!

— Спасибо, Танюша! Приеду, обязательно позвоню! Не переживай, справлюсь! Ты про кошку, главное, не забудь!..

— Бог с тобой! Иди уж... — перекрестилась Татьяна и помахала рукой.

Еще раз взглянув в сторону дома, Мария горько вздохнула, смахнула непрошенную слезу и быстрым шагом направилась в сторону автобусной остановки.

Очертания промоченных и потемневших от влаги домов, бань, неуклюжих сараюшек, огородов, окаймленных зарослями ивы, казались расплывчатыми и, растворяясь в пугающей осенней мгле, превращались в безмолвных чудовищ.

У дамбы, соединяющей две улицы, ветер цеплялся за заброшенную контору; старенькую водонапорную башню, с переборами снабжающую поселок водой; детский садик, акционерами проданный под квартиры; полуразрушенные гаражи и кочегарку; клуб с разобранной крышей — признаки некогда процветающего предприятия.

Ржавую остановку осветило фарами. Автобус скрипнул тормозами. Остановился. Дверь открылась.

Мария вошла и устроилась недалеко от входа. Поставив в ноги дорожную сумку, поправила на голове легкую беретку.

— Теть Маш, далеко собрались? — окликнул ее шофер.

— К сыну, Леша, еду, в город!..

— Надолго?

— Не знаю еще! — ответила Мария.

На следующей остановке вошли люди. Кто-то помянул ночную стихию:

— Ну и погодка! Всю ночь задувал, чертяка! Рубероид со стайки сорвало!

От поселка до районного автовокзала минут двадцать езды, проехали через лесхоз, забрав ночную смену. По пути пришлось сделать крюк — на просеке ветром повалило дерево.

По дороге мужики начали обсуждать перемены на предприятии.

— В ООО теперь работать будем! Дожились!

— Не говори! Лес в частные руки отдали! Под коммерсантскую пилу! Частнику воля — направо-налево его фуговать! У нас дорога одна — в Казахстан да Китай кругляк прут. Нет, чтобы самим перерабатывать.

— А слышали, лесников-то упразднили. Перевели в рабочие по отводу лесосек и тушению лесных пожаров.

— Узнал бы мой дед, какой беспредел творится, уже бы давно с ружьем у конторы стоял! Бывало, зеленую форму с нашивками на воротнике наденет и почет ему, и уважение, а теперь чем гордиться? Купленной за свой счет камуфляжной спецовкой...

На вокзале народу мало.

Поодаль стояли две иномарки — «бомбилы» набирали людей.

— Место есть до города! Поехали! — предложил водила в серенькой куртке.

Мария покачала головой.

Бомбила, сооротив недовольную мину, отошел, не стал настаивать. И на том спасибо!

Ждать автобус до города оставалось недолго.

Села на проходящий рейс из Романово. Кондуктор резким движением надорвала билет и указала в конец автобуса:

— К окошку садитесь!

Умостив сумку в проходе, она с трудом добралась до места. Полная бабенка в зеленом драповом пальто, явно ей маловатом, с ярким макияжем и со стертым на ногтях лаком, пропуская ее к окну, буркнула:

— По ногам аккуратней!

Автобус тронулся. Бабенка, широко расставив ноги, не оставив Марии пространства, разговаривала с женщиной, сидящей впереди.

Мария смотрела в окно. Проехали гостиницу, двухэтажки, заправку, замелькали деревья, и в унисон им далеким прошлым пронеслись перед глазами, как эти сосны, дни ее молодости...

Когда не стало мамы, Марии исполнилось четыре годика. Мама умерла после кесарева — врачи оставили в утробе кусок марли, и начался абсцесс. Новорожденную назвали в честь родительницы — Нина.

Отец Петр Петрович — мужчина видный, начал обустривать личную жизнь. Женщинам он нравился. Семь мачех побывали у них дома, но подолгу не задерживались.

Первая мачеха очень старалась упечь детей в детдом.

Петр Петрович вышвырнул ее вместе с вещами на улицу, не прожив с ней и года, на прощанье обозначив свою позицию: «Детей никогда не брошу!»

После в его дом переехала теща — баба Лена, и посвятила всю оставшуюся жизнь трем внукам — Маше, Рае и Нине.

Последнюю мачеху Мария невзлюбила пуще остальных — поругавшись с отцом, вздорная Анисья бежала и снимала с девчонок ею сшитые платья.

Отец запомнился строгий и справедливый. Учил Марию отвечать за свои поступки:

— Ты старшая! С тебя спрос вдвойне! — поучал он ее.— Но главное — сестер береги!

Раз досталось ремня. По учебе нахватала двоек. Не хотела отцу показывать дневник с плохими оценками, завела новый, только с пятерками. Хороший дневник получился: по математике пятерки, по русскому пятерки, по остальным предметам пятерки. Отец смотрел и нарадоваться не мог, говорил:

— Учись, дочка! В институт неучей не берут! Неучи коровам хвосты крутят. Может, ее проделка и осталась бы в тайне, пока она не перепутала дневники. Классному руководителю сдала на подпись поддельный экземпляр.

Отца вызвали в школу. Придя домой, он молча вытащил ремень из штанов и выпорол, отбив охоту обманывать.

Петр Петрович работал главным инженером на ремзаводе. Заканчивался год, и он, сломав ногу, лег в больницу. Дело близилось к выздоровлению, когда позвонил директор и слезно попросил выйти на несколько дней, доделать отчетность. Петр Петрович согласился — потихоньку мог ходить на костылях.

В обед, решив развеяться от бумажных дел и заодно проверить отгрузку угля детскому дому, происходящую на площадке, прогуливался по территории.

Декабрь выдался студеной, и туман от долго стоявших морозов, казалось, сгустился еще сильнее. Тракторист Иванчук, замерзший в накалившейся от холода кабине и потянувшийся за «сугревом», стоявшим у него за сиденьем, не заметил Петра Петровича. Спихнулся поздно. Не смог остановить технику.

Говорят, судьбу обмануть невозможно...

Казалось, протяни руку и почерневшая от времени береза у окна снова станет молоденькой и стройной, а в жизнь вернуться школа, замужество, рождение детей, но прошло время...

Вместо девчушки с осиной талией, звонким голоском и озорным взглядом в дребезжащем стекле пропахнувшего солярой старенького автобуса смотрит на нее женщина лет шестидесяти, угловатая, неказистая, с потухшим взглядом.

Сколько Мария себя помнит, никогда не сидела в праздности. Возвращалась в поздний час с работы из магазина, и находила занятия: готовила ужин, спешила подоить коров, напоить телят, полола грядки, стирала. Отдавая последние силы семье, не замечала усталости, ускользящей молодости.

За внешним видом, конечно, следила — даже Жданку встречать пойдет, на скорую руку карандашом глаза намалюет, ресницы подкрасит, в галоши прыгнет и к дамбе, встречать стадо. В центр редко выбиралась, хоть на поселке ходить не зачухонкой...

Отодвинув занавеску, Мария рассматривала мелькавшие мимо многоэтажные дома, торговые центры, автомобильные салоны, горожан, спешащих по делам. Давно не ездила в город, а он изменился...

— Эй, женщина, вы меня слышите? — бабенка в зеленом пальто толкала ее в плечо. — Конечная. С вами ничего не случилось? А то бледная вы какая-то! Вам помочь?

— Задремала, видно...Спасибо! Не беспокойтесь.

Бабенка, подхватив два тяжелых баула, «выпала» из автобуса. В сумках звякнули банки.

Мария вышла следом. Несколько мгновений они стояли молча, определяя дальнейший путь.

— Вам куда? — машинально спросила Мария.

— На улицу Крупской. К общагам.

— Нам немного по пути. Давайте вашу сумку. С одной стороны возьмусь. А вы с другой!

Вышли с автовокзала.

Город встретил шумом, непривычной суетой, ревом автомобилей. Накрапывал дождь.

Поравнялись с киоском, где продавали беляши и чебуреки.

— Меня Люда зовут! — новая знакомая поставила сумки на тротуар.

Мария тоже представилась.

— Слушай, постой минутку! Покарауль, я мигом! — попросила Люда и направилась к киоску.

Марию сзади окликнули.

Она обернулась — перед ней стоял мальчишка цыганенок. Он протянул вперед руки лодочкой.

— Тетенька, дайте сколько не жалко, на хлебушек не хватает!

Жалостливый голосок тронул душу. Она покопалась в карманах плаща, сыпанула мелочи в ладони, и мальчишка исчез в толпе.

— Шныряют тут всякие! — бурчала Люда, держа в руках горячий чебурек и пластиковый стаканчик с кофе «три в одном». — Пускай идут работать! Лоботрясы.

— На хлеб не жалко! — попыталась оправдаться Мария, но уже жалела о поступке — на убывающую луну не подают.

— Нечего их поваживать. Ты думаешь, он хлебушек купит? Фигу с маслом! Вон побежал, сигареты в киоске поштучно возьмет или «чупа-чупс» — сосалку эту нехристианскую! — Люда умостила на сумки и приступила к поеданию чебурека.

Заметив не одобряющий взгляд спутницы, пояснила:

— Сахарный у меня. Иной раз ни че... А иногда затрясет, в глазах потемнеет, хоть стой, хоть падай! Обязательно надо чего-нибудь перекусить. У меня тетка с аппаратом ходит, которым сахар в крови меряют. Упал уровень — сразу за стол, а иначе не выжить!

— На улицу Крупской-то к кому? — поинтересовалась Мария.

Жирный сок капнул Люде на штаны, тесно облегающие полные ляжки.

— Дочка старшая в педу учится, — она попробовала затереть следы от капель салфеткой. — На учителя начальных классов. Провиант ей везу. Да денжат маленько подкинуть. А то, аж в середине августа уехала, домой больше не приезжала. Только по телефону говорим... Их у меня, вообще, четверо. Две девчонки еще и пацан...

Люда, швыряя, обжигалась горячим напитком.

— А ты че тут?

— Родных приехала навестить...

— Хорошее дело! С родными нужно связь держать. А то вдруг денег придется занять... ха-ха. Че смотришь? Смех смехом, а шуба кверху мехом. Вон, у Васьки моего брат в Новосибирске живет, бизнес у него свой! Два раза — на день рожденья и на Новый год созвонятся и то ладно! А я ему говорила, звони, в гости зови, общайся, вдруг пригодится! И что ты думаешь? Верке поступать, у нее бал по ЕГЭ средний, ну я и говорю своему, звони брату, у него, мол, связи в комитете образования. Ну и завертелось, нам потом с районной администрации позвонили, говорят, приходите, вам целевое направление предоставим...

— Трудно с четырьмя-то? Время нелегкое... — спросила Мария.

— Ничего, справляемся потихоньку. Скотиной обзавелись. Хорошо, мой на тракторе работает. Сена привезет, соломы. В лето кормим, в зиму колем. Кого на еду, кого на продажу...

— Слушай, подожди минутку, я в кустики отойду, а то чувствую — не дойду... — засуетилась Люда и, вручив Марии недопитый напиток, нырнула в проулок.

Мария разглядывала мемориал, когда к ней, выйдя с привокзального рынка, подошла цыганка.

— Ай, дорогуша, вижу горе у тебя! За пятьсот рублей всю правду скажу!

Молоденькая цыганка сверлила ее острым взглядом.

Розовая бумажка машинально оказалась в руках Марии и тут же скрылась в черной куртке гадалки.

После цыганка приблизила руку Марии к себе.

— Вижу, дальная дорога тебя ждет! Неприятностей много! Дом ты продала. Денег заняла мужчине... Высокий такой! Возвращать не хочет! Пятьсот рублей надо! Сделаю так — завтра же принесет обратно!

Еще одна розовая купюра с изображением Архангельска скрылась в кармане кожаной куртки.

«Надо же, какая сердобольная женщина, — думала Мария, — сразу увидела, что у меня на душе!»

Марии казалось, что она рассказывает ей про ее Мишу.

Цыганка же водила своей шершавой рукой по ладони Марии и не отпускала взгляд.

— Будет тебе туз козырный! — вещала цыганка. — Удача тебя ждет! Самое главное — не спугнуть ее! Ждет тебя прибыль в конце недели. Приманить надо. Для этого тысячу не пожалей! Троекратно вернется тебе твоя щедрость!

Купюра с изображением Ярославля исчезла в руках цыганки.

Но вдруг лицо гадалки исказило неприятной гримасой.

До Марии донесся словно издалека голос Люды, она ругалась на какую-то чуму.

— Ах ты, чума страшная! — Люда, еще со стороны увидев картину выуживания денег, на ходу скинув с себя пальто, начала хлестать им цыганку. — Подзаработать решила! Как-нибудь проживем без твоих гаданий! Изыди, нечистая!

Ворожея отскочила в сторону ошарашенная появлением Люды.

— Прокляну! Порчу наведу!

— Я те наведу! Я тебе сейчас такую наведу...

Она вцепилась обеими руками в волосы цыганки.

Мария, стоявшая до этого словно в оцепенении, кинулась разнимать рычаще-кричащий клубок из двух женщин, забыв о правиле: двое дерутся — третий лишний... В суматохе Марии досталось по макушке, слетела беретка...

Кое-как удалось оттащить Люду в сторону. Цыганка, плюясь, посылая проклятия, скрылась на территории рынка.

— Чего ты с ней сцепилась? А то, верно, еще наведет порчу какую!

— Думаешь, боюсь я ее порчи! У нас в соседях цыгане живут. Первое время потерпели от них. Два раза коней со двора сводили. Пока я вилами к стенке Яшку не приперла. Егошняя мне каждый день сулит гадости всякой. Ничего, жива, как видишь! Защита на мне — поэтому я их и не боюсь! А ты чего уши развесила? Много она с тебя вытащила?

— Пустяки! Пойдем, нечего с ними связываться...

— Говорят улица Крупской отсюда не далеко? — спросила Люда. — Верка, вроде, объясняла. Говорит, от вокзала прямо, дорогу перейдешь, в сторону танка повернуть и на проспект Красногвардейский, кажется...

— Красноармейский, — поправила ее Мария, — потом направо за Молодежной.

— Верка у меня самостоятельная! — не унималась Люда. — С детства к труду приучена. Поступать собралась, я ей сразу сказала: «Доча, езжай! Мы с отцом вытянем твою учебу! Хоть кто-то у нас с образованием в семье будет!» И младшенькие детки сейчас на нее смотрят и тоже начали к учебе интерес проявлять.

В кармане у Марии зазвонил «сотик». Голос сына звучал гулко, взволновано:

— Мам, ты доехала?! Встретить не могу. На работе занят... Возьми такси!

— Коленька, не беспокойся! Адрес знаю, доберусь. Не переживай! Делай свои дела.

— Кто звонил? Сын? Учится? — поинтересовалась Люда.

— Сынок! Он у меня взрослый! У него семья, работа. Отучился уже. Тоже баулы ему собирала!

За разговорами и дорога показалась короче. Тяжесть сумок не чувствовалась. У общежития Люда спохватилась.

— Слушай, я тебя задерживаю? А то иди, я уж тут справлюсь!

Мария ее успокоила.

— Да брось ты! Тут осталось-то.

С новой знакомой немного отвлеклась. Если честно, не хотелось ей, приехав к сыну, находиться в четырех стенах одной. Николай с Мариной на работе, внучка, наверное, уже ушла на учебу, поэтому Мария до последнего оттягивала момент, выжидая время. Да и с Людой было легко общаться, хотя на первый взгляд она ей не понравилась.

— Надо позвонить, спросить. Кажется, первый корпус,— сказала Люда.

Она достала телефон.

— Не отвечает! На парах, наверное. Пойдем, спросим на вахте. Может, без нее пустят?

На улице стоял зябко. Хоть дождик и перестал капать, но от сырости мурашки бежали по коже.

А вахтерша пила чай.

— Извините! Скажите, дорогуша, Заботину Веру нам надо увидеть! — шумно выдохнула Люда, опустив сумки на кафедру.

— А вы кто? — в голосе женщины, на вид немного помладше Марии, проскользнуло недовольство. Отвлекли от приятного момента.

— Мать я родная! Может, поднимусь, подожду ее, супчик сварю, а то прибежит с учебы голодная!

— Сейчас гляну! Заботина. Вера Заботина,— вахтерша водила ручкой по журналу и вдруг, подняв глаза, сказала: — А она еще в начале месяца съехала.

— Да не может того быть! Я же с ней на днях разговаривала.

Вахтерша пожалала плечами:

— Без понятия!

— Адрес не оставила? А причину хоть сказала? Почему не выяснили?! У вас ребенок пропал, а вы без понятия! — возмутилась Люда.

— Женщина, не шумите! Для вас она ребенок, а к нам взрослые люди приезжают! — вахтерша приняла серьезный вид, готовясь принять бой.— Подождите, видите, девушка идет, вроде с ней в комнате жила,— она обратила внимание на худенькую девчонку, проходящую мимо.

— Настя, постой минутку! Где сейчас Вера Заботина?

У девчонки открытое доброе лицо в конопушках. Видно, врать еще не научилась, сразу отвела глаза в сторону, заколебалась на мгновения:

— Они с подружкой на квартиру съехали,— залепетала девчонка,— живут в районе ВРЗ, а на работу устроилась в отдел — сотовыми телефонами торговать на Старом базаре.

— В смысле, она учебу бросила?! — Люда обомлела.— Ох, я ей задам! Мне бы только до нее добраться! А мне чесала, мама дела идут хорошо, педагогика уж сильно нравится...

Люда не совладала с эмоциями. Выругалась смачно, иной мужик постесняется подобное сказать. Но сразу извинилась.

— Можно мы сумки у вас здесь на время оставим? Сегодня или завтра заберем.

Вахтерша согласилась, предупредив:

— В двадцать ноль-ноль смена происходит. Если не успеете, то спросите у напарницы. Я ее предупрежу.

На улице Люда не унималась:

— Ну, и где ее искать?! Поехали на базар. Ума не приложу. Может, случилось чего?! А? Скажи свое мнение?

Мария неоднозначно пожалала плечами.

Вышли на проспект, сели в автобус, спросили у кондуктора — на какой остановке лучше выйти.

На Старом базаре многое изменилось. Мария ностальгировала — в девяностых приезжали сюда с детьми покупать одежду и обувь к школе. Прохаживались между торговых палаток. Мария приценивалась, всегда торговалась:

— Если будем брать, двести скинете?..

До сих пор живы ощущения от этих путешествий в город — сродни ожидания праздника. Особенно радовались ребятишки: не каждый день ездили за обновкой, а если хорошо поторговаться, еще и на мороженое детям оставалось.

Сейчас Мария оглядывалась по сторонам и удивлялась. Повсюду модные бутики с яркими вывесками.

Люда, с трудом поспевая за своей спутницей, то и дело останавливалась, прикладывала руку к боку. Тяжело дышала, будто загнанная лошадь, но продолжала путь.

В дальнем закутке наткнулись на рекламный плакат «Сотовые телефоны и аксессуары. Ремонт. Обмен».

Зашли в помещение. В одном ряду несколько отделов: в первом продавалась канцелярия, во втором посуда, в третьем по счету — телефоны. Дальше тоже отделы, но Мария не обратила на них внимания, а обернулась к Люде, заметившей дочь еще от входа. Мария успела только негромко сказать:

— Люда, не горячись!

Но тут же была отодвинута в сторону.

Вера — полная противоположность матери: высокая, статная — точно не ожидала увидеть ее перед собой:

— Мамуль! Ты?

— А то кто ж! — подбоченясь, Люда встала напротив прилавка. — Красотуля, ничего не хочешь объяснить? Значит, я с полными сумарями за столько верст полкаю к дочери роденькой, а она даже на телефон ответить не соизволит. Чего молчишь?!

Вера растерялась, оценив ситуацию, сказала:

— Идите на улицу. Я сейчас.

Закрыв отдел и повесив табличку «Перерыв. Тридцать минут», она вышла за ними.

— Ты сумки в общаге оставила или на вокзале? — спросила у матери.

— В общаге. Хорошо, Мария помогла! Одна бы я сроду не нашла! Город не знаю!

— Поехали, заберем. У меня переночуешь, завтра уедешь.

— Ты мне скажешь, чего случилось? Правду вахтерша сказала — учебу бросила?

— Мам... — Вера посмотрела на Марию.

— Да говори уже! Не таись! — Люда остановилась в ожидании ответа. — Ну!..

— Я беременна!

Марии было неловко оттого, что стала свидетельницей такого откровенного разговора. Поэтому и шла поодаль попутчиц, преднамеренно замедляя шаг. Но Люда то и дело останавливалась, и расстояние снова сокращалось. И если бы не сумка, за которой нужно было вернуться в общежитие, Мария давно бы оставила новых знакомых наедине.

— Калганом своим надо было думать, а не энным местом, когда в койку ложилась. Презервативы-то знаешь, для чего придумали...

Мария смотрела на Веру и переживала вместе с ней. Девчонка, одетая в легкую курточку, то и дело оголявшую поясницу, шла молча.

«Так почки недолго простудить», — думала Мария, невольно слушая не унимающуюся Люду, остановившуюся на трамвайной остановке:

— Кто отец, спрашиваю? Чего молчишь?!

— Матвей... Мы с ним в клубе познакомились... У него иномарка, он делом занимается...

— Тоже мне, нашла перед кем ноги... А Толик как же? Что соседи скажут...

— Мама хватит!..

— Что мама?! Мама, значит, из последних сил бьется, дочку в городе учит, а она...

— Я работать буду! Матвей обещал помочь...

— А жениться он не обещал?!

— Если ты переживаешь, что я сяду вам на шею, то не беспокойся. Мне от вас ничего не надо, сама справлюсь! Как-нибудь подниму ребеночка на ноги.

— Сейчас без образования даже полы не берут мыть!

— Я на заочное перевелась...

— Мать честная, и в кого ты у меня уродилась!..

Забрав сумку и распрощавшись с Людой и Верой, Мария дошла до остановки, долго сидела на потертой изрисованной скамейке, ожидая автобус, и размышляла, как много таких наивных девчонок, как Вера, приезжают из деревни в город, у них начинает кружиться голова от свободы. Она искренне сопереживала Вере и надеялась, что Люда со своим взрывным характером уступит дочери и будет ей помогать. И что все у них будет хорошо.

После Мария переключилась на себя и думала, чего же ей надо — одиночества или общения, или чего-то другого... Невольно заметила — проходим никакого дела до нее, их не волнует ее облик и, более того, состояние души... Безразличие горожан было в диковинку. Снова позвонил сын. Сказала, подъезжает.

К автобусной остановке подошла женщина с двумя ребятишками. Мальчиком и девочкой. Они держались за руки. Девочке лет одиннадцать, мальчишке годика четыре, он, не переставая, капризничал, вырывал руку у сестры. Девочка его одергивала, морщила носик, крепко держала брата и не отпускала.

«Возраст, когда дети наиболее нуждаются в маме!» — пронеслось у Марии в голове, и она представила взрослых сына и дочь, уехавшую жить на Север. Оставила доченька ее одну, свила гнездышко где-то в чужих краях, видятся они редко, в лучшем случае раз в год. А может, Марии вернулись теперешним одиночеством слова, неоднократно повторявшиеся ей при детях: «Вот выучим вас и для себя с отцом проживем, а то все на вас тратимся!» Так и получилось, дети выросли, обзавелись своими семьями, и они с Михаилом большую часть времени проводили вдвоем. Живя для себя, стали больше ценить путь, пройденный вместе, но нет-нет да замечала Мария, что с нетерпением ждала звонка дочери или когда придет сын и привезет внучку. И вспоминались эти, сейчас кажущиеся глупыми, слова, и думалось, как такое могло прийти в голову. Если, не дай Бог, случись какое несчастье, то последние портки отдаст, чтобы помочь детям.